

Ю. СИТНИКОВ

Цикл «Скрывая правду»

Мой личный
«КРАСНЫЙ
флаг»

Секреты разрушают
любовь?

Роман для девочек

Юрий Ситников

Мой личный «Красный флаг»

Издательский дом "Проф-Пресс"

2026

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ситников Ю. В.

Мой личный «Красный флаг» / Ю. В. Ситников — Издательский дом "Проф-Пресс", 2026 — (Роман для девочек)

ISBN 978-5-378-36130-4

Меня зовут Рома. В прошлом году пришлось сменить школу — много всего случилось. Со временем меня вроде отпустило, даже друг появился. А у друга, как выяснилось, есть младшая сестра. И это та самая девушка, которая уже месяц мерещится мне. После нашей встречи это было ожидаемо, но всё равно странно. Она меня не помнит. Или притворяется. Интересно, брат вообще знает, чем она занимается? И почему она всё время отмалчивается?

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-378-36130-4

© Ситников Ю. В., 2026
© Издательский дом "Проф-Пресс", 2026

Содержание

Глава 1. На двадцать седьмом этаже	6
Глава 2. Сложные отношения	10
Глава 3. После кино	14
Глава 4. Брат и сестра	19
Глава 5. Достойный отпор	22
Глава 6. Нежданно-негаданно	26
Глава 7. Неприятный разговор	30
Глава 8. Под маской	34
Глава 9. Фотография на память	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Ситников

Мой личный «красный флаг»

© Издательский дом «Проф-Пресс», 2026

© Ситников Ю.В., текст, 2026

Глава 1. На двадцать седьмом этаже Романа

Осенью темнеет рано. В семь вечера – как ночью. На улице горят фонари, и люди, словно жуки, снуют по тротуару: одни неспешно, другие бегом. С высоты двадцать седьмого этажа они действительно похожи на насекомых. Не различишь, кто есть кто, лишь тёмные силуэты мелькают на фоне подсвеченных улиц. Днём ещё улавливаются оттенки одежды: лимонный жук, красный, жук коричневый... Но с приходом вечера все они сливаются в однородную массу чёрных насекомых.

Я отошёл от панорамного окна – в моей спальне оно начинается практически от самого пола и доходит до потолка – и развалился на кровати. Ни о чём не хотелось думать, ничего не хотелось делать. Внезапно на столе вспыхнул свет – ожил экран смартфона. Комнату заполнила громкая музыка. Отвечать на звонок я не собирался. Звонила Маринка. Я специально поставил на её звонок музыку, которая, если верить маме, бьёт по мозгам. Гибрид хард-рока с металлом. Думаю, попал в точку. Маринка любому мозгу вынесет, так что с мелодией я не прогадал.

Телефон замолчал. Минуту я смотрел в тёмный потолок, и вдруг снова: свет на экране и ударная волна от хард-рока. Упёртая. Будет звонить, пока не отвечу. Пусть. Вскоре пошли голосовые сообщения, а чуть погодя очередной звонок.

Дверь в комнату открылась. Яркий свет из коридора полоснул по лицу.

– Ром, ты спишь, что ли? – спросила мама.

– Нет, просто валяюсь.

– У тебя телефон звонит.

– Слышу.

– А если слышишь, может, ответишь?

– Не хочу.

– Тогда звук отключи, невозможно же этот грохот слушать.

Я нехотя встал с кровати и подошёл к столу. Когда убавил звук, мама включила в комнате свет.

– Через десять минут будем ужинать.

– Угу.

– С Ферзиком ты так и не погулял?!

– После ужина ходим, – ответил я.

– Ловлю на слове. Свет выключить?

– Выключи.

Мама щёлкнула выключателем и закрыла за собой дверь. В который раз я попытался понять: повезло мне с родителями или нет? Станный вопрос, но время от времени он сам собой возникает в моей голове. Или это нормально, когда в пятнадцать лет анализируешь не только окружающий мир, но и мир собственной семьи? Не скажу, что я вырос в обычной среднестатистической семье. Нет, наша семья никогда не была «средней», мы всегда были «на шаг впереди, на голову выше».

Мама работает в префектуре, папа – в городской администрации. Думаю, дальше можно не продолжать. Десять человек из десяти сказали бы, что мне невероятно повезло с родителями. Может, и так. С детства у меня было всё – и даже больше, чем нужно. Меня не баловали, как почему-то считали бабушка с дедом, мне просто не давали почувствовать себя в чём-то обделённым. И я рос, полагая, что так происходит в каждой семье, что у всех, за редким исключением, всё одинаково хорошо.

В школе, особенно в средней, пришло осознание: я не такой, как все. Я выделялся. Не талантами и способностями, а своими родителями. У меня было то, о чём другие даже не смели мечтать. Например, меня никогда не ограничивали в средствах. Но я никогда не кичился этим, не ставил себя выше остальных, скорее, наоборот, пытался быть открытым и среднестатистическим. Однако дружить с кем-то по-настоящему не получалось. Не складывалось общение, не совпадали интересы. Я был одиночкой. Не скажу, что меня это угнетало, но и не радовало.

Я мог бы учиться в другой школе, где учатся дети тех, кто всегда «на шаг впереди, на голову выше». Но отец, он как раз шёл на повышение, решил иначе: его сын должен учиться в обычной школе. И я учился. С горем пополам. Потом влюбился. Первая любовь обернулась разочарованием. Мне там ничего не светило. Бывает. Проехали.

Это случилось год назад, в моей старой школе. Мне было четырнадцать, в классе я считался твёрдым троечником, и за мной закрепилась репутация хулигана. Впрочем, меня это не сильно напрягало. Я вообще редко когда напрягаюсь. А смысл?

Прошёл год. Мне пришлось сменить школу. Если вкратце, то причин две: серьёзный конфликт с завучем и драка со старшеклассником.

В новой школе царила такая же тоска, что и в предыдущей. В конце года основной напряг – ОГЭ. Правда, по этому поводу больше волнуются преподаватели и родители. Я об ОГЭ не думаю. У меня есть более актуальные проблемы. Одна из них – Маринка. Мы встречаемся пять месяцев, и она до чёртиков мне надоела. Реально, достала своими закидонами. До Маринки я встречался с Наташкой. Тоже не сошлось – разбежались в разные стороны. А с Маринкой я замутил по глупости. Из-за цвета волос. Они у неё русые, слегка выющиеся, как у Веры. А у Наташки были Верины глаза. Нет, глаза у неё, конечно, были свои собственные, а цвет – зелёный.

В русоволосую зеленоглазую Веру Коробкову я влюбился, как мне кажется, по-настоящему. Хотя утверждать не берусь. Мне не с чем было сравнивать, до Веры я никогда не влюблялся. Ни в начальных классах, ни в детском саду, как это бывает у многих. Первая любовь оказалась безответной. Ничего – пережил. Но осадок остался. И привычка оборачиваться вслед каждой русоволосой или зеленоглазой девчонке. Какой-то пунктик. По-хорошему надо бы от него избавиться, но пока получается с трудом. Хотя кое-что всё-таки получается...

Я вдруг ощутил, как внутри разлилось приятное тепло, а губы сами по себе растянулись в улыбке. Перед глазами возникла она – незнакомка из центра развлечений. Я держу её за руку и смотрю прямо в глаза. В голубые, немного раскосые и грустные глаза. Лица не вижу: незнакомка в маске. Именно тогда я почувствовал, что смогу забыть Веру. Не сразу, постепенно, но точно смогу.

Потом появилась Наташка, после неё Маринка... Знаю, что произвожу на девчонок впечатление.

Не из хвастовства говорю, просто констатирую факт. За прошедший год я изменился. Главным образом внешне: раздался в плечах, нарастил мышечную массу, вытянулся почти на десять сантиметров. Рост – метр восемьдесят! И это ещё не предел. Занимаюсь я дома, у нас для этих целей одна из комнат оборудована под тренажёрный зал. Удобно. Отпадает необходимость ходить в спортивный центр и заниматься в компании незнакомых людей.

Смартфон издал серию однотипных звуков: Маринка снова прислала сообщения. Сначала я прочитал текстовые, потом прослушал голосовые. Ничего нового. Всё как всегда: что делаешь, почему не отвечаешь на звонки, когда мы увидимся, ну и дальше в таком же духе. Едва я прослушал последнее сообщение, зазвонил телефон. Ага! Увидела, что я в сети, и сразу набрала. Придётся ответить.

- Да, – лениво протянул я.
- Ром, ты где?
- Дома.
- Я тебе сто раз звонила.

– Трижды.

– Почему ты...

– Спал, – соврал я.

– А-а. Слушай, давай прогуляемся.

– Сейчас не могу, мы ужинать собираемся.

– Тогда давай после ужина.

– Можно. Как раз Ферзика надо выгулять.

– А без него никак нельзя? – голос сделался заискивающим. – Хотела тебе предложить в кафешке посидеть. С собаками туда не пускают.

– Ты прогуляться хотела, – напомнил я.

– Сначала прогуляться, а потом в кафе. Ладно, Ром, гуляй с Ферзиком, а потом встретимся у моего подъезда. Хорошо?

Я молчал.

– Ром, ты где?

– Здесь.

– Ну договорились?

– Окей.

Вот и поговорили, усмехнулся я, швырнув телефон на кровать. А когда снова подошёл к окну и начал с высоты рассматривать людей-жуков, невольно подумал о своих одноклассниках. Почему-то первым вспомнил Витьку. В классе он считался неформальным лидером. Немного заносчивый, любящий играть на публику и врать, каких поискать. Поначалу мы смотрели друг на друга как враги. Витька увидел во мне соперника. Соперника сильного. Причём во всех смыслах. Витьке не понравилось, что я независимый и не примкнул к их компашке, а когда на меня запала Наташа, прямым текстом велел держаться от неё подальше. Ну меня этим не испугаешь. Короче, пару раз сцепились мы с Витьком врукопашную. Отмутузили друг друга зачётно, завучиха потом родителей вызвала.

Витькина мамаша примчалась, а мои... Ни мама, ни отец никогда не ходили в школу. Максимум, на что учителя могли рассчитывать, – это на телефонный разговор с вечно занятой мамой. Разговаривали с ней заискивающе и, даже когда в чём-то меня обвиняли, не забывали упомянуть, что в принципе парень я неплохой.

Так вот, после второй драки, сообразив, что меня не сломить, Витька решил пойти другим путём и предложил мне свою дружбу. Мы начали общаться. Прошла неделя, вторая, третья. Потом понимаю, что это не моё. Неинтересно. Не совпадаем ни по каким параметрам. Вроде это называется фундаментальной несовместимостью. С остальными как-то тоже отношения не сложились. Здороваемся, общаемся в пределах класса – не более. После школы ни к кому в гости не хожу и к себе не приглашаю.

Но один хороший приятель у меня всё-таки есть. Кирюха. Живёт в соседнем районе, мы давно знакомы, несколько лет вместе занимались в бассейне. Парень он, что называется, свой в доску, я ему доверяю. Он мне тоже доверяет. Видимся, правда, нечасто, причина банальна: Кирюха – геймер. За играми проводит всё свободное время. А если не играет, то говорит об играх. Игровая зависимость налицо, но Кирюха уверяет, что может в любой момент остановиться, стоит только захотеть.

Пока не хочет. Я его и на слове ловил, и на слабо брал. Бесполезно.

Дверь открылась.

– Сын, ужинать, – позвал папа.

– Иду, па.

В комнату, прихрамывая на переднюю лапу, вбежал Ферзик. В пасти норвич-терьер нёс свой поводок. Бросив его к моим ногам, Ферзик сдвинул домиком густые брови и тявкнул, мол, чего таращишься? Намёков не понимаешь, что ли?

– Попозже, – улыбнулся я, проведя ладонью по чёрной шёрстке. – Потерпи.

Ферзик терпеть не любил. Зарычал, демонстративно топнул здоровой лапкой и опустил голову. Наблюдал за мной исподлобья, продолжая порывивать.

– Не вредничай, старикан. Пошли, дам вкусняшку.

Я вышел из комнаты, и Ферзик, словно позабыв, что одна лапа у него короче другой, обогнав меня, помчался на кухню. Там я достал с полки упаковку его любимых сушёных хрящиков, вытащил один и положил на пол. Ферзик мгновенно щёлкнул пастью и умчался вглубь квартиры.

– Роман, долго тебя ждать? – крикнула из столовой мама.

– Уже в дороге, – со смешком отозвался я.

– Ускорься, – последовал ответ. – И захвати себе вилку, я не взяла.

Я подошёл к шкафу, выдвинул верхний ящик и услышал голос папы:

– Ромка, бери две вилки, мама и меня обделила.

Глава 2. Сложные отношения

Рома

Ферзику шёл десятый год, по собачьим меркам он считался пожилым. Гулять терьер любил, но на улице передвигался медленно, как бы нехотя, больше предпочитая сидеть и созерцать. Он с интересом рассматривал прохожих, порывался на гудящие машины, настороженно хмурился при виде других собак и презрительно фыркал, если на пути появлялась кошка. Прогулки с Ферзиком входили в мою компетенцию, мама выгуливала его в исключительных случаях, папа – никогда.

Сегодня мы дошли до торца нашего дома, и Ферзик, изобразив усталый вид, вздохнул и уселся прямо посреди тротуара.

– Давай, старикан, хотя бы до собачьей площадки дойдём, – предложил я.

Ферзик и ухом не повёл – притворился глухим. Он давно уже прибегает к этому трюку: когда ему что-то не по нраву, он начисто теряет слух. Пару минут спустя, догадавшись, что поход на собачью площадку неизбежен, Ферзик соизволил встать и поковылял в сторону соседского дома. Прогулка растянулась на долгие сорок минут. За это время мне дважды звонила Марина, интересовалась, не забыл ли я, что мы договорились встретиться. С ней забудешь, как же!

Отведя Ферзика домой, я сразу рванул к Марине. Позвонил ей заранее, едва мы с Ферзиком поравнялись с нашим подъездом. Маринка, как и Ферзик, медлительна до зубного скрежета. За почти три месяца наших встреч она ни разу не пришла на свидание – как-то коробит меня от этого слова! – вовремя. И даже когда я однажды задержался на полчаса, умудрилась заявиться на десять минут позже.

Так вот, сказав, что через пятнадцать минут буду ждать её у подъезда, я был уверен: задержится. Но ошибся. Марина уже стояла возле скамейки и высматривала меня среди немногочисленных прохожих.

– Привет, – сказал я, остановившись в паре шагов от неё.

– Привет! – Марина улыбнулась и, прильнув ко мне, быстро поцеловала в щёку.

Когда мы поцеловались первый раз, мне это понравилось. Когда Маринка стала целовать меня в щёку при встрече – тоже не вызывало отторжения. Но последние пару-тройку недель, признаться, начало напрягать.

От Марины снова пахло как от парфюмерной лавки. Меры она не знает. И красится она слишком... ярко, что ли. Макияж настолько тяжёлый, что прибавляет ей лет десять. Иногда казалось, что иду не с ровесницей, а со взрослой тёткой. Ну это я, конечно, преувеличиваю. А иначе не могу. Повторюсь, последние пару недель я постоянно выискиваю у Марины недостатки. А может, они всегда были, просто раньше я их не замечал? Не хотел замечать.

– Ну что, сразу в кафешку или прогуляемся немного? – Марина взяла меня под руку, и мы не спеша пошли по тротуару.

– Мне после ужина кусок в горло не полезет, – признался я.

– Тогда просто выпей кофе. Ром, смотри, что покажу, – Марина выудила из сумочки телефон и открыла галерею. – Двоюродная сестра сегодня прислала. Ей её парень подарил серебряный браслет. Тебе нравится?

– Браслет как браслет, – ответил я, равнодушно взглянув на фотку.

– По-моему, слишком массивный и на тонком запястье будет выглядеть нелепо.

– Согласен.

– Тонкие браслеты намного изящнее. Я, кстати, давно хочу себе браслет купить. Может, зайдём сейчас в торговый центр, посмотрим, что у них есть?

– А кафе?

– Кафе никуда не убежит.

Я хотел заметить, что торговый центр тоже вроде убежать не собирался, но промолчал. Эта Маринкина привычка неумело – как бы невзначай, но в то же время нагло – выключивать подарки начала раздражать меня почти сразу. Полагаю, именно это и послужило тем самым спусковым крючком, после которого я понял: ничего у нас с ней не выйдет. Погуляем – и разбежимся.

Подходя к супермаркету, я увидел у входа Иваныча. Личность в нашем районе знаменитая. Несколько лет назад он лишился жилья, как говорили, по собственной глупости, и превратился в бездомного. Жил где придётся, точнее, не жил, а выживал. Не знаю, сколько ему лет, – человек без возраста. Заросший, сутулый, он иногда казался мне сорокалетним, а порой мерещилось, что ему все семьдесят. Его имя мне тоже неизвестно. Для всех он был просто Иваныч.

Утром, в часы пик, он стоял возле метро, днём перебирался к какому-нибудь продуктовому магазину. Иваныч никогда не просил милостыню, не обращался к прохожим с просьбой дать ему мелочь на хлеб. Он просто стоял, понуро опустив голову, и ждал людского сочувствия и понимания. И весь его жалкий, потерянный и нелепый вид говорил намного больше любых слов. Люди давали Иванычу деньги, покупали еду, наиболее сердобольные делились своей старой одеждой.

Я обратил внимание на Иваныча около полугода назад. Невероятно, но до этого момента мы с ним ни разу не сталкивались. А может, и сталкивались, просто я в упор не замечал побитого жизнью человека. А заметив, начал к нему присматриваться. Потом я дал ему денег. Иваныч поблагодарил. Я не сомневался: пропьёт. Ошибся. Он сразу пошёл в магазин, купил себе еды. С тех пор, встречая Иваныча возле магазина, я всегда покупаю ему чего-нибудь съестного. Кладу в пакет, подхожу и молча протягиваю. Иваныч кивает, благодарит и, как мне кажется, ненавидит себя в тот момент за собственную ущербоность.

– ...даже со скидкой не потяну! – донёсся до меня сквозь пелену раздумий голос Марины.

– Что? – я вскинул брови, поймав себя на мысли, что совершенно её не слушал.

– Я говорю, духи эти очень дорогие. Можно, конечно, тридцать миллилитров купить, но это ведь невыгодно. Сотка всегда будет дешевле.

– Марин, подожди меня пару минут, – попросил я, когда мы поравнялись с входом в супермаркет.

– А ты куда?

– В магазин сгоняю.

– Я с тобой.

– Пошли.

В корзину я положил хлеб, булку, сырную и колбасную нарезку, пакет сока, а в кулинарии купил копчёный окорочок и печёный картофель.

– Зачем ты это покупаешь? – недоумевала Марина.

– Это не для себя, – засмеялся я. – Иванычу.

– Ромка! Ну ты вообще уже...

На кассе самообслуживания Марина скорчила такую гримасу, что мне сделалось смешно.

– Столько денег потратил на какого-то бомжа. Ром!

– Он не бомж, а бездомный.

– Это одно и то же.

– И да, и нет, – уклончиво ответил я.

На улице я подошёл к Иванычу.

– Привет. Держите.

Иваныч протянул руку, взял пакет, а потом поднял на меня выцветшие, бывшие когда-то синими, глаза.

– Благодарствую, – отозвался он и чуть театрально склонил голову в поклоне.

– Пошли, – обратился я к Марине, которая наблюдала за этой сценой с неприкрытой брезгливостью.

– Ромка, как ты можешь? А вдруг он заразный?! Наверняка заразный.

– Во-первых, не сочиняй. Во-вторых, даже если и так, я что, его облизывал?

– Терпеть не могу бомжей! От них всегда воняет.

– А ты их не обнюхивай, – пошутил я.

– Ром!

– Ладно, проехали. Пошли в торговый центр.

Моментально повеселев, Маринка снова взяла меня под руку и затараторила:

– Ром, если у меня денег не хватит, ты сможешь доплатить?

– Мы вроде просто посмотреть идём.

– Да, но... А вдруг у них акция сегодня будет или скидки?

– Хорошо, доплачу, – пообещал я.

Маринка крепче прижалась ко мне, и я в полной мере почувствовал удушающий аромат её парфюма.

Браслеты в салоне были. Акции и скидки тоже. Маринка, перебегая от одной витрины к другой, призналась, что у неё разбегаются глаза.

– Ром, столько всего! Мне каждый браслет нравится.

Тут же активизировалась продавец-консультант, запев песню про акцию, которая – ну надо же – уже завтра заканчивается. Но если сегодня успеть приобрести две вещи из определённых коллекций, то можно бесплатно получить подвеску в виде сердца. Марина начала обкусывать нижнюю губу.

– Сколько у тебя денег? – спросил я, заранее зная ответ на вопрос.

Марина назвала цифру. На эту сумму здесь можно было приобрести разве что рекламный буклет. Минут через десять я заметил, что пора поторопиться в кафешку.

– А браслет?

– Ты выбрала?

– Если по акции...

– По акции покупка будет намного выгоднее, – встряла в разговор девушка-консультант. – Вы покупаете два понравившихся вам украшения...

– Мы слышали, – прервал я её. – Спасибо! Но мы пришли за одним украшением.

– Дело в том, что по акции...

– Ром! – В глазах Марины появилось уже знакомое мне презрение. Именно так она смотрела на Иваныча. – То есть тебе жалко купить мне подарок, но не жалко подкармливать всех местных бомжей?

– Не понял? Это чего за наезд сейчас?

– Это не наезд, это правда!

– Ты хотела браслет – мы стоим в салоне. У тебя есть выбор. В чём проблема?

– Ни в чём, – Марина развернулась и направилась к выходу.

Я нагнал её у эскалатора.

– Ну и чего ты психуешь, Марин?

– Ничего.

– Что не так я сказал?

– Всё! Я чувствовала себя как дура! Если тебе жалко тратить на меня деньги, так и скажи.

– Стоп! Отсюда поподробнее.

Мы уже спустились на первый этаж и сейчас шли по широкому коридору мимо ряда массажных кресел.

– Не делай вид, что ты меня не понял.

– Я тебя давно понял, – тихо ответил я.

– В смысле? – Марина остановилась и впиалась в меня колким взглядом.

– Мы идём в кафе или нет?

Тишина.

– Марин...

– Да, пошли.

На улице Маринка слегка оттаяла и даже взяла меня под руку. Правда, шли мы молча. А в кафе, едва заняли столик у окна и сделали заказ, выдала:

– Через полтора месяца у меня день рождения. Ты спрашивал, что я хочу в подарок. Ссылку я тебе отправлю.

Минуту спустя я перешёл по ссылке и оказался на сайте того самого магазина, откуда мы только что пришли. На фотографии красовался браслет. Только совсем не тот, которым в салоне восхищалась Марина. Это был золотой браслет.

– Не хило, – хмыкнул я.

– Ты сам спрашивал, что мне подарить, – повторила Марина.

– Спрашивал, не отрицаю.

Нам принесли заказ. Пока Марина ела эклеры, запивая их кофе, у меня в голове созрел план.

Глава 3. После кино Рома

– План нормальный, – одобрил Кирюха.

Он позвонил мне в воскресенье днём и попросил зайти. Сказал, есть важный разговор. Сейчас мы сидели в его комнате: я – на стуле, Кирюха – в компьютерном кресле. Свой «важный разговор» он никак не начинал, ходил вокруг да около. А когда поинтересовался моими делами, я признался, что планирую расстаться с Маринкой. Куплю ей браслет, который будет подарком на день рождения. Но не просто подарком, а прощальным. И разбежимся. Давно пора.

– Удивительно, как вы столько времени вместе продержались, – ухмыльнулся Кирюха, пытаясь пригладить ладонью торчащие в разные стороны волосы. – Вы несовместимы.

– Может быть. Но Маринка русая. Понимаешь?

– А, ну да. Я забыл про твою паранойю.

– Нет у меня никакой паранойи, не перегибай.

– Не было бы паранойи, давно бы забыл свою Веру.

– Она не моя.

– Ага, чужая, – лыбился Кирюха.

– Ладно, не начинай.

– Ромыч, а если откровенно, ты реально Верку до сих пор любишь?

Какой простой вопрос – и как трудно на него ответить.

– Ну! – торопил меня Кирюха. – Да или нет?

– Я её вспоминаю... – начал я.

– И?

– Почти удалось разлюбить.

– Уверен?

– Пятьдесят на пятьдесят.

– Спасибо красноволосой, да? – Кирюха смотрел на меня иронично-издевательски.

– У той девчонки были не красные, а бордовые волосы, – напомнил я.

– Девчонка с бордовыми волосами и голубыми глазами. Таинственная незнакомка. Слушай, а может, тебе объявление дать, что ты её разыскиваешь?

– Ты зачем меня позвал? – я начал выходить из себя.

Лицо Кирюхи сразу же посерьёзнело. Он расправил плечи и уставился в монитор ноутбука.

– Дело есть, Ромыч.

– Говори.

– Хотел денег у тебя занять.

– Не вопрос, одолжу.

– Мне много надо, – после паузы признался Кирюха.

– Много – это сколько?

Кирюха взял ручку и накарябал на блокнотном листе цифру. Увидев её, я присвистнул.

– Зачем столько?

– Надо, – упрямо повторил он.

– Кирюх, это не ответ. Сам понимаешь, деньги немаленькие, я должен знать...

– Да, да! – сорвался он на крик. – Должен, знаю. Деньги нужны для прокачки персонажа и покупки лутбоксов¹.

– О как!

– Что?!

– Кирюх, пока не поздно, притормози.

– Не поздно, – передразнил он меня. – Ты ж знаешь, я в любой момент могу перестать играть.

– Так прекрати прямо сейчас.

– Ты денег одолжишь?

– И как возвращать собираешься? – В моём голосе хоть и сквозила ирония, но на Кирюху я смотрел с упрёком.

– Верну.

– Не вернёшь. Но дело даже не в деньгах, просто тебя, идиота, жалко. Ты ж рано или поздно просадишь всё и влезешь в долги. Появятся проблемы. Кирюх.

– То есть денег не будет?

Выдержав паузу, я мотнул головой.

– На эту фигню – нет.

– Пожалел?

– А сам как думаешь?

Дело было не в деньгах – их мне как раз не жалко. Мне было жаль Кирюху. Конечно, я мог дать ему требуемую сумму и закрыть вопрос, но тогда я стал бы спонсором его игровой зависимости. Мне это надо? Нет. И Кирюхе не надо. Одолжить на что-то стоящее – пожалуйста, а давать займы на игры... Этого не будет. Я никогда не был ни жадным, ни прижимистым, ни тем более экономным. Когда ты родился и вырос в семье, где деньги не считают, а просто оплачивают счета и покупки, к деньгам привыкаешь как к воздуху. И я привык. Могу позволить себе многое, но я очень хорошо чувствую границы. Знаю, где заканчивается помощь и начинается потакание слабости. Просьба Кирюхи выходила за эти границы, поэтому я ему отказал.

– Понятно, – Кирюха резко развернул компьютерное кресло и начал отстукивать по клавиатуре.

– Не злись, я хочу как лучше.

– Ага.

– Пошли прогуляемся.

– Неохота.

– Слушай, а хочешь с девчонкой какой-нибудь познакомиться?

– Нет.

– А если подумать? – настаивал я. – У Маринки есть подруга – Оксанка. Давай я договорюсь и вчетвером сходим в кино.

– Перебьюсь.

– Слушай, – я встал, крутанул на себя кресло, в котором сидел Кирюха, и положил руку ему на плечо: – Кончай изображать обиженного. Я звоню Маринке?

– Звони, – выдавил Кирюха.

В коридоре я достал из кармана куртки телефон и прошёл в кухню. Марина пойти в кино согласилась сразу.

– Есть предложение, – сказал я. – У меня друг – Кирюха, давай познакомим его с Оксанкой?

– Давай.

– Узнай, сможет она сегодня в кино с нами пойти?

¹ Лутброк – виртуальный контейнер (сундук) в играх, открыв который можно получить случайную награду.

– Хорошо, – и тут в голосе Марины появились вкрадчивые нотки: – Ром, а у твоего друга кто родители?

– В каком смысле – кто?

– Ну, кем они работают?

– Отец вроде сварщик на заводе, мама – врач в поликлинике.

Послышался протяжный вздох.

– Ром, тогда Оксанка не согласится.

– Почему?

– Ты сам подумай: какие у него перспективы? Сын сварщика и врача – это даже не смешно. Что он Оксанке подарить сможет? Мороженое купит, в кафе раз в месяц пригласит?

– А при чём тут это, Марин?

– При том! Оксана летом с парнем встречалась, так он знаешь на неё сколько денег потратил? Они каждый день где-то тусили.

– И где этот парень сейчас?

– Расстались. Он уродом оказался.

– Или прозрел.

– Что?

– Ничего. Мысли вслух.

– Так мы идём в кино?

Вдвоём идти не хотелось, но Маринку я уже пригласил.

– Идём. Встречаемся в шесть возле кинотеатра.

Кирюхе я сказал следующее:

– Оксанка не может, но это даже к лучшему. Считай, я тебя спас.

– От чего спас?

– Не важно. Пойдём в кино втроём.

– Третий лишний, – заявил Кирюха. – Я дома останусь.

– Уверен?

– Да.

– Как хочешь.

– Ромыч, слово даю, если одолжишь денег, постараюсь меньше играть. Могу поклясться.

– Не клянись. – Я вышел из комнаты и начал обуваться. – Клятву не сдержишь.

– Ромыч...

– Всё, тему закрыли. – Я снял с вешалки куртку и открыл входную дверь. – Пока.

На улице, сунув руки в карманы, я побрёл домой. Над головой нависло хмурое небо, наверняка начнётся дождь. Под ногами шелестели опавшие листья, деревья стояли почти голые, уродливые, всё вокруг казалось мрачным и неприветливым.

В памяти всплыл образ незнакомки с бордовыми волосами и маской на лице. Сама девчонка облачена в костюм аниме-персонажа. Какого именно – не знаю, никогда в них не разбирался. К косплеерам² относился снисходительно-равнодушно. Не понимал и не понимаю их увлечения. Но это направление набирает обороты, значит, имеет право на существование.

Прогремел гром. Так и есть, сейчас ливанёт. Усилился ветер. Я поднял воротник куртки и ускорил шаг. Лицо незнакомки вновь возникло в моём воображении. Какие у неё глаза. Не глаза, а глазищи! Помню, как впился в них взглядом и смотрел до тех пор, пока девчонка не начала часто моргать. И тогда моя рука потянулась к её лицу, и я сорвал с него маску. По щекам незнакомки катились слёзы.

² Косплеер – человек, перевоплощающийся в известных героев комиксов, игр, книг, фильмов путём копирования их костюмов и поведения.

Почему я тогда молчал? Почему ничего не спросил? Или всё-таки спрашивал? Вроде что-то говорил, но, хоть убей, сейчас не вспомню что. Нужно было поинтересоваться её именем. Сглупил.

Чем ближе я подходил к дому, тем ярче становились воспоминания. Но стоило консержке в подъезде заговорить со мной, они испарились. На консержку я посмотрел как на врага, что-то пробурчал в ответ и поспешил к лифтам.

Время – начало третьего. Можно было чемнибудь заняться, но меня одолевала лень. Я лежал на кровати, закинув ногу на ногу. Мама, проходя мимо моей комнаты, чисто машинально поинтересовалась делами в школе. Я крикнул, что всё замечательно. Сомневаюсь, что мама вообще меня услышала. А, между прочим, завтра меня должны спрашивать на истории, об этом учительница предупредила ещё в четверг. Надо бы учебник открыть, прочитать хотя бы для вида. Но побороть свою лень у меня не получилось. Она одержала очередную победу и отправила меня на кухню – перекусить. Из холодильника я достал кусок мяса, положил его на хлеб и откусил большой кусок. Так, стоя у окна, я и проглотил за пару минут свой необычный бутерброд.

Позади послышались шаги. Мама.

– Ты чего здесь, Рома?

– Зашёл перекусить.

– Суп будешь?

– Не, я бутером уже перекусил.

Мама включила кофемашину и, не глядя на меня, сказала:

– Надо бы к Тамаре съездить. Когда ты был у неё последний раз?

– Вроде недавно.

– Недавно – это когда?

– Э-э... – я напряг память. – Вроде в августе.

– А сейчас конец октября.

– Хорошо, съезжу.

Тамара – моя бабушка, мать отца. У родителей с ней натянутые отношения. Это если говорить мягко, а если откровенно, то моя мама и бабушка на дух друг друга не переносят. Насколько мне известно, Тамара была против их брака, и в день свадьбы прямо при всех заявила, что искренне надеется на скоротечный союз. Первое время папа поддерживал с ней отношения, но со временем оказался между молотом и наковальней. Я ездил к Тамаре – ей не нравится, когда называю её бабушкой, – примерно раз в два месяца. Чисто для проформы, мол, помню, не забыл. С ней трудно общаться – характер ещё тот. Когда приезжаю, всегда передаю деньги от родителей. Тамара принимает их с отвращением на лице, словно делает одолжение. А потом я слушаю, какой неблагодарный у меня отец, какая хитрая и расчётливая у меня мать и какой избалованный и испорченный сытой жизнью я сам.

...После кино мы с Маринкой умудрились поссориться на ровном месте. Она заявила, что актриса на главную роль подобрана неудачно. Я возразил. Слово за слово – и привет. Маринка осталась верна себе, фыркнула – ну совсем как Ферзик, когда чем-то недоволен, – развернулась и пошла прочь. Я неспешно отправился следом. На улице увидел, что она стоит возле колонны, а рядом трутся два каких-то парня: высокий и коренастый. Тот, что был выше ростом, положил руку Марине на плечо. Маринка руку скинула и отступила на шаг назад. Парень сделал шаг вперёд.

– Какие проблемы, парни? – громко спросил я, подходя к колонне.

– У нас – никаких, – ответил коренастый. – Проходи мимо.

– Марин, пошли.

Марина метнулась в мою сторону, но высокий схватил её за руку и потянул на себя.

– Уже уходишь? А познакомиться?

Ненавижу предисловия. Никогда не понимал тех, кто, прежде чем приступить к выяснению отношений, обменивается вопросами типа: «Ты чё?», «А ты чё?», «Чё сказал?», «Чё слышал!». Пустая трата времени. Я толкнул парня в плечо и, пока он разворачивался, нанёс удар по скуле. Коренастый сориентировался мгновенно: принял стойку и попробовал нанести хук. Зафиксировав это боковым зрением, я резко отклонил корпус. Коренастый промахнулся. Тем временем высокий саданул меня в челюсть. Я подался назад, в два счёта сорвал с себя куртку, швырнул её на пол и отвёл руку для очередного удара.

Маринка кричала, чтобы мы прекратили. К ней присоединились другие женские голоса. Разнял нас тучный мужик, который буквально вклинился между мной и высоким парнем.

– Я тебя запомнил, – процедил высокий, сплюнув на асфальт.

– Рад за тебя.

– Пошли, Толян, – коренастый подал приятелю его слетевшую во время драки шапку и зло посмотрел на меня.

– Что, тоже пытаешься запомнить? – съязвил я.

– Ром, не надо, – взмолилась Марина. Она подняла мою куртку и прошептала: – Оденься, простудишься.

– Всё нормально, – ответил я.

– Не надо было ввязываться, Ром. У тебя кровь идёт из губы и кожа вокруг глаза красная. Синяк будет.

– Не смертельно.

Когда мы подошли к Марининому подъезду, она вдруг засмеялась и, глядя мне в глаза, призналась:

– А знаешь, Ром, мне было приятно, что ты дрался из-за меня.

– Я дрался не из-за тебя.

– А из-за кого? – удивилась Марина.

– Из-за чего, – буркнул я. – Ладно, Марин, я пойду.

Уже отойдя на значительное расстояние от её дома, я дотронулся сначала до губы, потом до скулы. И там и там кожа отзывалась болью. Ну бывает. Заживёт.

Глава 4. Брат и сестра Люба

Уже в подъезде я вспомнила, что на мне шарфик Мухи. Сорвав его с шеи, я сунула шарф в боковой карман рюкзака и юркнула в кабинку лифта. Вот ведь дура! Зачем мне сдался этот шарфик? Он и понравился-то мне лишь на первый взгляд, а приглядевшись, сразу поняла: ничего особенного. Тряпка. Но Муха истолковала моё ликование по-своему. И вот, пожалуйста, сегодня вручила подарок – шарфик. Носи, мол, на здоровье. И ведь не откажешься.

Надо знать Муху. Спорить с ней – себе дороже. Как зыркнет своими острыми, почти чёрными, глазами – мороз по коже. До знакомства с Мухой я и не подозревала, что бывают люди с чёрными глазами. Потом вычитала, что это очень редкий цвет, из-за высокого содержания меланина³ в радужке. С одной стороны – прикольно выделяться цветом глаз, с другой – жутковато. Иногда, когда я смотрю на Муху, мне кажется, что передо мной не живой человек, а ожившая кукла. Взгляд пустой, будто стеклянный, и прожигает тебя насквозь.

Едва створки лифта распахнулись на этаже, я выскочила на площадку и подбежала к квартире. Прежде чем воткнуть ключ в замочную скважину, прислушалась. Вроде тихо. Интересно, папа уже дома или ещё нет? Если дома, возможно, грозы удастся миновать, а если задерживается на работе... Не сносить мне головы.

Я открыла дверь и просунула голову в тёмную прихожую. В коридоре тоже было темно. Из комнаты Большого брата доносился звук телевизора, из-под двери родительской спальни пробивался слабый свет. Разувшись и повесив куртку в шкаф, я метнулась в свою комнату.

Уф, пронесло! Свет я решила пока не включать, а, едва успела переложить из рюкзака в верхний ящик стола две небольшие тубы и одну коробочку, услышала шаги в коридоре. Не прошло и полминуты, как дверь в мою комнату распахнулась. Мама нажала на выключатель и начала разговор сразу на повышенных тонах:

- Только пришла?
- Да, – призналась я, виновато опустив глаза в пол.
- Люба, сколько сейчас времени?
- Около девяти.
- Половина десятого! Ты должна была быть дома в восемь! Где ты была?
- Мам, мы с девочками заболтались. Так получилось, прости.
- Позади мамы появился Большой брат.
- Что за крик, а драки нет? – спросил он.
- Папа дома? – вопросом на вопрос ответила я и сразу же пожалела о содеянном.

Лицо мамы побелело. Она прошла в комнату, взяла со стула скомканную футболку и перешла на крик:

- Неужели нельзя навести в комнате порядок?! Почему здесь всё вверх дном?

Это было неправдой. Порядок в моей комнате соблюдается всегда. Да, есть мелкие косяки, но в общем и целом всё выглядит вполне пристойно. Говорить об этом маме я, конечно же, не стала. Бесполезно. Она на взводе. Закипает и вот-вот взорвётся. В такие моменты лучше молчать и слушать. Что я и делала. С каждой секундой мама всё больше распалялась.

- Девятый класс, Люба, впереди ОГЭ, ты об этом помнишь?
- Помню.

³ Меланин – природный пигмент, определяющий цвет глаз. Чем больше пигмента, тем темнее радужная оболочка глаза.

– Что-то незаметно. В шестом классе одни пятёрки в четверти, в седьмом – четвёрки. Перешла в восьмой и за полтора месяца умудрилась нахватать троек. Что с тобой? Кто на тебя так влияет? Это всё твои гуляния неизвестно где и неизвестно с кем.

– Я гуляю с подругами, – ответила я.

– Я тебе уже говорила, мне не нравится твоя Галя. Просила ограничить с ней общение! Ты меня послушала? Нет! Почувствовала себя взрослой, самостоятельной? Думаешь, раз исполнилось четырнадцать и ты получила паспорт, значит, можно отбиться от рук и жить по своим правилам?

Мама достигла точки кипения. Сейчас будет взрыв. Большой брат поспешил вернуться в свою комнату.

– Запомни: пока ты живёшь с нами, пока мы с отцом полностью тебя обеспечиваем, ты будешь соблюдать наши правила! Нравится тебе это или нет. Не забывай, что, помимо собственных прав, у тебя есть обязанности. Ты слышишь меня?!

– Слышу, мам.

Наступила пауза. Похоже, сегодня большого взрыва не будет. Повезло. Когда мама ушла, я села на кровать, осознав, что до сих пор держу в руках рюкзак. Из бокового кармана предательски торчал край шарфика Мухи.

Внезапно мне сделалось настолько противно, что рюкзак полетел в стену. Какое-то время я сидела оцепенев, но вдруг вскочила, достала из кармана шарфик и начала с силой тянуть его в разные стороны. Надеюсь, что он порвётся. Но шарфик не поддавался. Тогда я решила искромсать его ножницами. В ящике стола ножниц не оказалось. А когда я наконец наткнулась на них, мой гневный порыв сошёл на нет. Как и мама, я выпустила пар и успокоилась.

Мама. Мамочка... Я безумно люблю своих родителей. И брата тоже. Он старший, поэтому я в шутку называю его Большим братом. Ему нравится.

Родители вместе уже двадцать лет, они поженились через год после окончания института. Мама в молодости была очень красивой. А какая у неё была талия – осиная! Раньше папа любил вспоминать, что мог обхватить мамину талию двумя ладонями. Потом маму эти воспоминания начали раздражать, и папа перестал ими делиться. Маму, конечно, понять можно. И мы с Большим братом понимаем. Да и папа тоже понимает, только самой маме от этого ничуть не легче.

Когда родились мы с Большим братом, мама начала набирать вес. За несколько лет она превратилась из худышки в пышечку, и эта здоровая полнота невероятно ей шла. Мама стала ещё красивее, женственнее. Но после сорока произошли какие-то гормональные нарушения, и из пышки мама превратилась сначала в полную женщину, потом в очень полную и, наконец, стала толстой. Папа же оставался таким же стройным и подтянутым, как в молодости. Парадокс, но если двадцать лет назад его лицо было непримечательным, то с возрастом он сделался, как говорят многие, «весьма интересным мужчиной». И это злит маму больше всего.

Она ревнует его к каждой женщине. А учитывая, что папа работает в женском коллективе, можно себе представить, в каком состоянии она пребывает. Если он задерживается на работе, с мамой случается едва ли не истерика. И чем больше она набирает вес, тем сильнее ревнует папу.

Однажды я поинтересовалась у Большого брата, как он считает, есть ли у мамы основания для ревности. Последовала долгая пауза, Большой брат пожал плечами и сменил тему разговора. А пару месяцев спустя, летом, мама на несколько дней уехала к бабушке. Большой брат отдыхал в лагере. Мы с папой остались одни. И в первый же вечер он вернулся с работы намного позже обычного. И от него пахло женскими духами.

Ни маме, ни Большому брату я об этом не рассказала. Но с того дня моё отношение к отцу изменилось. Я по-прежнему его люблю, но... Но уже не так осуждаю маму за её ревность. Раз ревнует, значит, на то у неё есть причины, и не нам с Большим братом её упрекать.

Спрятав шарфик обратно в рюкзак, я прошла в комнату Большого брата. Он сидел за столом и что-то писал в тетради. Телевизор работал для фона.

– Чем занимаешься? – спросила я.

– Английский делаю.

Я прошла по комнате, остановилась у окна и принялась барабанить пальцами по подоконнику. Шёл дождь, тяжёлые капли монотонно стучали по карнизу, стекло изрезали извилистые дорожки. Лужи во дворе отражали оранжевые круги фонарей. Настроение было скверным, и отчаянно хотелось плакать.

– Люб, можно не стучать? – попросил Большой брат.

– Это не я, а дождь, – пошутила я.

– Дождь мне не мешает, – не оборачиваясь, сказал Большой Брат. – А твои постукивания отвлекают.

– А работающий телевизор не отвлекает?

– Нет.

– Ну-ну. Можешь ненадолго оторваться от домашки?

– Мне пару минут осталось. Подожди.

– Хорошо, – я отошла от окна и прилипла к овальному зеркалу.

Вглядываясь в своё отражение, я поняла, что похудела: щёки впали и скулы стали более выразительными. Я себе нравилась. И даже слегка выющиеся русые волосы, которые ещё полгода назад я отчаянно выпрямляла утюжком и масками, теперь казались мне идеальными. Наверное, я красивая. И брат Мухи в последнее время смотрит на меня как-то иначе. Оценивая, что ли. Сегодня тоже смотрел, а когда я поймала его взгляд, улыбнулся. Неужели я ему нравлюсь? А почему нет? Ему шестнадцать, и он... По словам Мухи – идиот. У них с сестрой вообще странные отношения. Они могут оскорблять друг друга и не обижаться. У нас с Большим братом всё по-другому, по-настоящему, а у них как-то наигранно, неестественно. Как будто они заранее выбирают себе роли, долго репетируют, а потом, на людях, устраивают спектакль.

– Что у тебя? – голос Большого брата вырвал меня из состояния задумчивости.

– Поговорить хотела.

– Садись.

– Я была у Мухи, – начала я, продолжая смотреть в зеркало.

Только теперь смотрела не на себя, а на Большого брата. Он повернулся ко мне лицом, и наши взгляды встретились в зазеркалье.

– Муха подарила мне шарфик.

По лицу Большого брата скользнула тень. Некоторое время он молчал, а потом нерешительно спросил:

– Просто шарфик или... – он специально не договорил фразу.

– Или, – ответила я, повернувшись к брату лицом.

– Зачем взяла, Люб?

– Муха настояла.

– Ты могла бы отказаться.

– Не могла, – я снова вернулась к окну и упрямо повторила: – Не могла я отказаться! Она накинула его мне на шею, сама завязала и сказала носить на здоровье.

Большой брат подошёл ко мне сзади, положил руки на плечи и, глядя в окно, прошептал:

– Люб, ты же понимаешь... – и он снова запнулся на полуслове.

– Я понимаю.

Больше мы ничего друг другу не сказали. Стояли у окна, смотрели в темноту улицы и прислушивались к унылым звукам осеннего дождя.

Глава 5. Достойный отпор Рома

Физичка вызвала меня к доске, пытаясь выяснить, что такое закон Гука. Нашла кого спросить. В физике ничего не соображаю. С первым законом Ньютона я ещё кое-как разобрался, о втором слышал краем уха, о третьем даже думать боюсь. А про Гука вообще ни сном ни духом.

– Роман, ты тянешь время, – поторопила меня физичка.

– Пусть тянет, – выкрикнул Витька. – Нам это только на руку.

– Вот и договорились, – усмехнулась физичка. – Значит, после Берёзина к доске пойдёт Сторожилов.

– А вдруг повезёт, и Берёзин простоит там до перемены.

Я посмотрел на Маринку. По её лицу понял, что ни с самим Гуком, ни с его законом она тоже не знакома. Взгляд скользил по одноклассникам. Наташка что-то шептала с третьей парты, но разобрать её слова мог бы разве что дух умершего Гука. Он ведь уже умер? Или нет? А чёрт, надо будет потом проверить.

Когда я взглянул на Валерку – он сидел за первой партой и точно знал всё про этот закон, – физичка в очередной раз обречённо вздохнула. На её лице читалось неприкрытое разочарование. Учительский стол стоял вплотную к первой парте, у Валерки не было возможности подсказать мне, существовала большая вероятность, что услышит физичка. И тогда он начал шептать одними губами. Но и это не помогло.

Вскоре терпение учительницы иссякло, она отправила меня за парту и вызвала Витьку. Сторожилов, успевший вызубрить закон Гука, отчеканил его за две секунды, но физичку уже интересовал не этот закон, а другой. Поэтому Витька, как и я минуту назад, начал рыскать взглядом по лицам ребят.

На перемене мы перешли в класс русского и литературы. Маринка спросила, какие у нас на сегодня планы, и в этот момент я услышал крик Лёхи:

– Опа! Это что-то новенькое!

Витька, проходя мимо парты Валерки, по обыкновению отвесил ему щелбан. И тут Валерка, который всегда молча и безропотно мирился с неуважением к себе, вскочил со стула и толкнул Витьку в плечо. Витька оторопел. А Лёха, округлив глаза, выкрикнул своё коронное: «Опа!»

В классе произошло оживление. Тот, над кем обычно посмеивались, вдруг взбунтовался. Решил проявить характер. И толкнул-то не кого-нибудь, а самого Витьку Сторожилова. Ребята, предвкушая продолжение, подошли ближе, из-за их спин выглядывали удивлённые и любопытные лица девочек. Даже Маринка, которая так и не услышала от меня ответ о планах на вечер, сорвалась с места.

Витька хмыкнул и насмешливо посмотрел на Валерку. Так обычно смотрят на таракана, которого собираются прихлопнуть тапкой. Мол, беги-беги, всё равно далеко не убежишь – твоя песенка спета.

Я сразу догадался, что Витька медлит из-за кратковременной растерянности. Ну не привык он, чтобы его толкали. И кто?! Валерка! Этот щуплый, тихий дохляк, с которым даже драться неинтересно. Витьке казалось, если он ударит Валерку, то сломает ему сразу несколько костей. Вот Витька и колебался. Как поступить? Поставить на место? Так ведь Валерка потом в больнице окажется. Пройгнорировать? Перед классом неудобно: авторитет всё-таки.

Время поджимало. Витька понимал, что на них с Валеркой устремлены все взгляды и ребята ждут продолжения. И не просто ждут, а жаждут.

Продолжая ухмыляться, Витька протянул Валерке руку.

– Здорово, Валер! – звучно произнёс он.

Валерка ответил на рукопожатие. А едва его ладонь оказалась в ладони Сторожилова, как тот с силой её сжал. Валерка дёрнулся и, оседая от резкой боли, скривился. Послышались смешки. Витька продолжал сжимать ладонь. И, наверное, всё могло закончиться, так и не начавшись. Но, вопреки здравому смыслу и ожиданиям одноклассников, тихоня Валерка резко саданул Витьку по подбородку. А когда тот от неожиданности разжал ладонь и округлил глаза, Валерка нанёс ему удар левой под дых. Витька согнулся пополам. Теперь по классу прокатился возглас изумления.

– Опа! – только и смог выдавить Лёха.

– Не слабо, – крикнула Маринка.

Витька не собирался проигрывать. Он набросился на Валерку и повалил его на пол. Завязалась потасовка. В классе стоял гул голосов. Лёха хотел вмешаться, явно для того, чтобы помочь Витьке, но я его остановил.

– Не лезь! Пусть разбираются один на один.

– Ты видел, что сделал этот придурок? – горячился Лёха.

– Да, – усмехнулся я, сделав вид, что неправильно истолковал его слова. – Зачётный был удар.

Драка закончилась, когда в классе появилась русичка. Увидев катающихся по полу ребят, она потребовала немедленно встать и объяснить, что происходит. Витька с Валеркой поднялись с пола, но молчали. Русичка продолжала настаивать, а потом отправила обоих к директору.

На перемене все говорили о драке. Делились новостью с ребятами из параллельных классов, с друзьями, знакомыми, и к концу седьмого урока вся школа знала, что Валерка побил Витьку Сторожилова. Конечно, это было не совсем правдой. В результате драки больше пострадал сам Валерка, а победителем его сделали лишь для того, чтобы придать новости большего веса.

* * *

В новую школу я перешёл в январе. С первых дней заметил, что Валерка в классе вроде козла отпущения. Не скажу, что его гнобили в открытую, но издёвки, шутки и щелбаны от Витьки, когда тот проходил мимо его парты, случались регулярно. Валерка относился к категории людей-терпил. Ему щелбан – он молчит. Его на смех поднимают – молчит. Не ввязываться, не отвечать, научиться не замечать и не слышать – таков был его девиз.

Говоря образно, класс – это стая, где каждый человек – член стаи. То есть все свои, и у каждого своё место. Соблюдается строгое подчинение. Валерка тоже был своим, но находился на самой нижней ступени иерархии. Не думаю, что его это устраивало, но восстать против стаи он не смел. Гораздо легче было перетерпеть и забыть. Чем Валерка и занимался.

В августе Витька со своими друзьями окружили Валерку у подъезда и, не спрашивая разрешения, вытащили торчащий из его пакета багет. Витька отломил большой кусок и передал багет Лёхе. Тот тоже «отщипнул» – себя не обидел. В итоге от багета ничего не осталось. Валерка, как обычно, ничего не сказал. Стоял, молча наблюдая, как голодные одноклассники поедают его багет. Потом развернулся и под дружный смех парней потопал по тротуару за новым багетом.

Я всё это видел, сидя на скамейке у соседнего подъезда. Ферзик опять забуксовал и решил передохнуть. Когда Валерка поравнялся с нами, я не выдержал:

– Тебе нравится, когда тебя унижают?

Он не сразу догадался, что я обращаюсь к нему. А когда поднял голову, удивлённо вскинул брови.

– Послушай, – с наигранной весёлостью продолжил я, – а если они и второй багет сожрут, снова побежишь в магазин?

– Они уже ушли, – ответил Валерка, кивнув на удаляющихся в сторону последнего подъезда ребят.

– У тебя никогда не возникало желание дать кому-нибудь в морду?

Валерка молчал. Это покорное молчание меня взбесило.

– Язык проглотил?

– Нет.

– Что нет: не проглотил или желания дать в морду не возникало?

– Ни то ни другое.

– А ты реально неадекватный.

Молчание.

– Ладно, – разозлился я. – Вали в магазин.

Валерка сделал несколько шагов, Ферзик издал грозное рычание, а я снова крикнул:

– Стой!

Валерка замер. Я натянул поводок, а Ферзик заупрямился.

– Давай, старикан, не упрямясь.

– Норвич-терьер? – спросил Валерка.

– Он самый. Разбираешься в породах собак?

– Типа того.

Мы не спеша шли по тротуару, когда я вдруг с ходу заявил:

– Пойми, пока ты не дашь им отпор, они будут продолжать вытирать об тебя ноги.

– Я не смогу дать отпор. Во-первых, их много, во-вторых...

– Заткнись, а, – беззлобно попросил я. – Врежешь раз Витьке, остальные рта больше не откроют.

– У меня не получится.

– Хочешь, научу, как правильно бить? – неожиданно для самого себя предложил я.

Валерка посмотрел на меня так, будто я предложил ему спрыгнуть с крыши. И вдруг...

Я не ожидал, что он это произнесёт, но он выдал:

– Хочу!

– О! Делаешь успехи. Ну тогда не всё потеряно, да, старикан?

Ферзик тряхнул мордочкой и фыркнул.

– Ты завтра свободен? – спросил я.

– Да.

– Приходи ко мне домой, скажем, в два часа. Адрес запиши.

– Я запомню, говори.

Почему мне стало жалко Валерку? Нет, дело не в жалости. Тут другое. В моём старом классе, теперь я называю это прошлой жизнью, была одна девчонка – Полинка. Отличница, тихоня, настоящая белая ворона. Над ней, так же как и над Валеркой, часто подшучивали, обижали её и оскорбляли. И я в этом принимал не последнее участие.

А Вера... Та самая, русоволосая и зеленоглазая, которую я пытаюсь забыть, отчаянно защищала Полинку. Однажды даже на меня накинулась с кулаками. Ненормальная! Тоже мне, борец за справедливость. Накинулась и давай колошматить. А я стою, не шевелюсь, боюсь ненароком зацепить. Но именно её смелость, её уверенность в себе и где-то даже бунт против всего класса – стаи – заставили меня посмотреть на Веру другими глазами. Я и до этого смотрел на неё иначе, но после того случая окончательно понял: Верка настоящая.

И когда в новом классе на месте Полинки оказался Валерка, я начал задумываться: не намёк ли это на возможность искупить вину? Долго отмахивался от этих мыслей, гнал их прочь,

но всё чаще в любом, кто насмехался над Валеркой, я видел себя и Полинку. И Веру, которая незримо при этом присутствовала, укоряя и осуждая.

И вот ради Веры и той самой прошлой жизни, в которой я ещё надеялся на взаимность, я решил сделать из Валерки равноправного члена стаи. Научить его не только обороняться, но и, если потребуется, нападать первым.

Глава 6. Нежданно-негаданно Рома

Когда я попросил Валерку нанести удар мне в лицо, он оторопел.

– Бей в правую скулу! – настаивал я.

– Тебе же будет больно, – пробормотал Валерка.

– Не рассчитывай.

И Валерка ударил. Точнее, попытался это сделать. Перехватить руку, скрутить и повалить его на пол оказалось проще простого.

– Ещё раз! – потребовал я.

И Валерка снова «бил» и вновь в две секунды оказывался на полу.

– Вставай и бей! – уже приказывал я.

Первые уроки самообороны, так я их называл, проходили впустую. Я видел, что Валерка способен на большее, был у него потенциал, но из-за внутренней зажатости и боязни неизвестно чего у него никак не получалось раскрыться. А сила у него была. Я в этом убедился, когда попросил его сжать мне руку. И предупредил:

– Со всей силы.

Он сжал. Мне это понравилось. Стало ясно: дело не в отсутствии силы, а в голове Валерки. Его никому не нужные, мешающие жить ему самому установки тормозили процесс. И тогда я решил изменить тактику. Во время тренировок провоцировал его, подкалывал, говорил обидные слова. Поначалу Валерка тушевался, но однажды, после моего очередного выпада о неприспособленном к жизни хлюпике, он наконец смог доказать – в первую очередь самому себе, – на что способен. Его удар был мощным и стремительным.

– Другое дело, – одобрил я.

С сентября Валерка приходил ко мне дважды в неделю. Я видел, как он начинает меняться: становится менее зажатым и более уверенным. В школе наше общение ограничивалось приветствиями. Мы не спешили становиться друзьями. А зачем? Я не испытывал в этом потребности.

А сегодня, став свидетелем, как Валерка мастерски вмазал Витьке, я почувствовал гордость... за себя. Моя заслуга. Теперь он себя в обиду не даст. Во всяком случае, молча сносить насмешки он точно не станет. Моя помощь больше не нужна, и я решил, что за пределами школы наши пути с Валеркой пересекаться не будут. Но после последнего урока, когда уже все разошлись, Валерка подошёл ко мне и сказал:

– Мне нужно поработать над двухсторонними и дальними захватами. Потренируемся?

– Пусть сначала синяки на лице заживут, – хмыкнул я.

Дотронувшись до покрасневшей щеки и распухшей губы, Валерка скривился.

– Дома будет допрос, – признался он.

– Скажешь, что защищался.

– А может, сказать, что упал?

– Если только с крыши.

Валерка засмеялся и предложил:

– Не хочешь ко мне зайти? С сестрой тебя познакомлю.

Знакомиться с его сестрой мне не хотелось, но времени было навалом, и я кивнул. Пока шли, Валерка оседлал любимого конька и начал рассказывать мне о каких-то клетках-хищниках. Я слушал его вполуха. Биологией никогда не интересовался и вряд ли заинтересуюсь. Валерка же настолько увлёкся, что прошёл мимо собственного подъезда. Догадавшись об этом, он хмыкнул и кивнул назад.

– Нам нужен третий.

Чуть погодя мы очутились в тесноватой прихожей, где я услышал приятный женский голос:

– Большой брат, это ты?

– Нет, это мой призрак, – пошутил Валерка и уже чуть тише, обращаясь ко мне, добавил: – Сестра.

– Угу.

– А Большой брат – это я.

– Понял, не дурак, – отозвался я, вешая на напольную вешалку куртку.

Когда в коридоре появилась светловолосая девчонка, Валерка даже не успел ей ничего сказать. Увидев его лицо, она ахнула:

– Большой брат, что с тобой?!

– Ничего страшного, Люб. Я это...

– С крыши упал, – пошутил я, ощутив, как к лицу прилила кровь.

– Что?! – Люба вытаращила глаза.

Она схватила брата за руку и начала её ощупывать. Её взгляд сделался настолько испуганным, что Валерка поспешил заверить:

– У меня ничего не сломано, Люб. Я просто... подрался.

– Подрался?! – в конец опешила Люба. – Ты? Представляешь, что скажет мама?

– Представляю.

– К синякам надо приложить что-то холодное, – суежилась Люба. – Я принесу мясо из морозилки.

– Холодное прикладывают сразу, – сипло выдавил я. – Сейчас уже смысла нет.

Мой голос сделался чужим, и слова приходилось выталкивать из себя силой. Они застре-вали в горле комком. Невозможно было поверить, что всё произошло настолько буднично: Валерка пригласил меня к себе, я пришёл и увидел в его квартире ту самую девчонку, лицо которой часто вспоминаю последние десять месяцев. Она стоит передо мной, и в её голубых глазах мелькает тот же испуг, что и в день нашей первой встречи. Изменился только цвет волос. Но тогда на ней был бордовый парик для косплея. Прошёл почти год, за это время она похорошела, стала чуть повзрослевшей.

Меня, судя по всему, она не узнала. Возможно, узнает позже, когда немного успокоится и поймёт, что с Валеркой всё в порядке.

– Люба, познакомься с Ромой, – будто издалека услышал я голос Валерки.

– Привет, – кивнула мне Люба, задержав взгляд на моём лице.

Узнала – мелькнула мысль. Но нет, едва кивнув, она вновь переключила внимание на брата.

– Ром, это Люба, – улыбался Валерка.

Она снова на меня посмотрела, и я, подражая ей, тоже кивнул. Хотел произнести что-то типа «очень приятно», но слова по-прежнему застре-вали в горле. Когда мы прошли в комнату Валерки, Люба принесла тубик геля и попросила, чтобы он помазал синяки. Сама села на подлокотник кресла и потребовала, чтобы Валерка в деталях рассказал о драке. Валерка покосился на меня, мол, выручай, расскажи ты.

– Есть у нас в классе один... – пока я подбирал правильное слово, чтобы выразиться помягче, Валерка меня опередил:

– Витька Сторожилов.

– Окей, – хмыкнул я. – Пусть будет просто Витька Сторожилов. Так вот, он давно не огребал по физиономии, хотя его физиономия сама на это напрашивалась. И сегодня твой брат сделал доброе дело – врезал Сторожилову по роже.

– По лицу, – смущённо поправил меня Валерка.

– По лицу он врезал тебе. А ты ему по роже, – чуть громче ответил я, чувствуя, как слова обретают былую силу и уже легче вырываются наружу.

Люба улыбнулась и мотнула головой.

– Большой брат, ты меня удивил. Я думала, ты на подушке напряжение снимаешь, а ты, оказывается, тренировался.

Заметив на моём лице удивление, Люба пояснила:

– Он последние полтора месяца подушку дубасил.

– Использовал её в качестве боксёрской груши, – сказал Валерка. – Отрабатывал удар. Ты мне сам рекомендовал поработать над ударом.

– Было дело, – улыбнулся я.

Пришёл черёд Любы удивиться.

– Так это ты научил его драться?

– Стоять за себя.

На этот раз её взгляд задержался на мне дольше. Теперь она смотрела на меня оценивающе, слегка растянув губы в улыбке. Улыбка ей шла.

– Перекусим? – предложил Валерка.

– У нас пюре и рыба, – сказала Люба, глядя на меня.

– Пойдёт.

На кухне, когда перед нами уже стояли тарелки и Валерка начал ловко орудовать вилок, Люба обратилась ко мне с вопросом:

– Рома, а мы раньше нигде не могли с тобой встречаться?

Я притворился, что глубоко задумался, а потом с самым серьёзным видом поинтересовался:

– Ты была на вершине Эвереста?

Приняв игру, Люба развела руками.

– Топталась только у подножия.

– Тогда мы вряд ли могли встречаться. Хотя... Если только в прошлой жизни.

– В прошлой жизни меня здесь не было, я обитала на другой планете.

– На какой же?

– Названия не помню, но от Земли далеко.

– Вы могли мимоходом увидеть друг друга на улице, – с набитым ртом проговорил Валерка. – В одном районе ведь живём.

– Может, и так, – согласилась Люба. – Ром, а почему ты не ешь?

– Я ем.

– Только к чаю у нас ничего нет. Я последнее печенье съела, когда из школы вернулась. Но я сейчас сбегая в магазин.

– Не надо, – громче, чем следовало, попросил я.

От мысли, что Люба уйдёт, сделалось не по себе. Я до конца ещё не верил, что всё происходит наяву.

Представив, что мог отказаться от приглашения Валерки, я заёрзал на стуле. Память снова унесла меня в тот день, когда Люба – ей очень идёт это имя – была в маске и с бордовыми волосами. Но сейчас эти воспоминания пришлись мне не по душе, от них остался неприятный осадок. Причина мне была хорошо известна, но я гнал подальше скверные мысли, прислушиваясь к разговору брата с сестрой. Люба говорила не торопясь, вкрадчиво, её голос действовал на меня успокаивающе. А когда она улыбалась, я невольно отводил взгляд в сторону.

– Люба, ты учишься в нашей школе? – спросил я, когда мы вернулись в комнату Валерки.

– До седьмого класса там училась, а в прошлом году меня перевели. Новая школа в двух автобусных остановках от дома.

– А почему перевели?

Мне вдруг отчаянно захотелось узнать о ней всё и даже больше. Оказаться бы сейчас с Любой на необитаемом острове и говорить, говорить не переставая.

– Там сильный математик, а у меня к математике способности, – проговорила Люба, явно кого-то пародируя.

– Так говорит наша мама, – пояснил Валерка. – Только в новой школе Люба из отличницы превратилась в хорошистку, а теперь...

– Большой брат, я обижусь, – предупредила Люба.

– Прости, молчу. – Валерка смутился, посмотрел на меня исподлюбья, а затем переглянулся с сестрой.

Тут мне в голову пришла отличная мысль.

– А я в математике ничего не соображаю. Ни в математике, ни в физике. Как раз собирався просить Валерку подтянуть меня по предметам. А то ни закона Кука не знаю, ни чем дробь отличается от тангенса.

– Гука, – засмеялся Валерка. – Закон Гука.

– Вот видишь, даже фамилию в голове удержать не получается.

– Большой брат тебя поднатаскает, законы будут от зубов отлетать.

– Надеюсь, – я посмотрел на Валерку. – Сможешь?

– Конечно! Если у тебя получится приходить ко мне...

– Получится! – не дослушав, выпалил я. – Начать можем хоть завтра.

– Договорились.

У Любы зазвонил телефон. Взглянув на экран, она встала с кресла и направилась в коридор.

– Муха, – бросила она на ходу.

– Кто? – переспросил я у Валерки, когда Люба закрылась за собой дверь.

– Одноклассница Любы.

– А почему Муха?

– Прозвище. Фамилия у неё Мухина.

Меня так и подмывало узнать у Валерки, есть ли у Любы парень, но я решил, что интересоваться этим сейчас будет лишним. Минут через пять дверь в комнату открылась. Люба застёгивала куртку.

– Большой брат, я ухожу.

– Не задерживайся допоздна, – попросил Валерка. – А то мама опять скандал устроит.

– Не задержусь. А даже если опоздаю, сегодня в центре внимания будешь ты. Точнее, твоё помятое лицо. Пока, ребят.

– Пока, – ответил я, борясь с желанием вскочить и пойти вслед за Любой.

Сдержался. Но было трудно. И снова меня начали подтачивать воспоминания. Только теперь я вспоминал не испуганные голубые глаза Любы и не катящиеся по щекам слёзы. Я вспоминал то, что произошло за минуту до этого.

Глава 7. Неприятный разговор Люба

Второй день подряд ловлю себя на мысли, что вспоминаю Ромку. Удивил меня Большой брат, ничего не скажешь. Не думала, что у него есть такой друг. Сколько раз интересовалась, и он всегда отвечал, что в школе ни с кем не дружит и даже не приятельствует. А тут – пожалуйста! И всё-таки где же я могла видеть Ромку? Лицо у него очень знакомое, особенно взгляд: пристальный, пытливый, немного требовательный. Сразу чувствуется: парень он сильный, волевой. Ну не приснился же он мне, в самом деле? Или приснился? Нет, исключено. Последнее время мне вообще перестали сниться сны. Засыпаю – и сразу проваливаюсь в густую неизвестность, а потом противный звук будильника и подъём.

Наверное, Большой брат прав, с Ромкой мы могли столкнуться в нашем районе: на улице, в магазине, в метро.

Подумав об этом, я сразу воспрянула духом и начала озираться по сторонам. Навстречу шли люди, а я выискивала в толпе незнакомцев Ромку. Глупость какая-то. Зачем он мне сдался? Ну, симпатичный... Стоп! Симпатичный или красивый? Я начала перебирать в голове актёров и певцов, которые в моём понимании обладали настоящей мужской красотой. Не смазливостью, а скорее мужественностью.

Однажды в разговоре с подругой мама обронила, что красота мужчины заключается в его мужественности. Я тогда совсем её не поняла. Как это – красота в мужественности? Белиберда какая-то. А теперь понимаю. Есть парни, которые вроде как и красивые на лицо, но ненадёжные. Такие и защитить в случае чего не всегда смогут. Взять, к примеру, Большого брата. Я его очень люблю, он лучший брат на свете, умный, добрый, замечательный, внешность у него не отталкивающая, но... По натуре Большой брат человек слабый. Это видно невооружённым глазом: по позе, жестам, мимике. Нет в нём пока мужественности, поэтому он и девчонкам не нравится.

А Ромка... Он совсем другой. Я уже через минуту после знакомства с ним не сомневалась, что смелости в нём хватит на троих. Вот и получается, он красив дважды: внешне и внутренне, потому что обладает той самой мужественностью.

У подъезда я последний раз огляделась по сторонам и достала из кармана ключницу. А в лифте даже разозлилась на себя. Заодно и на Ромку. Вот ведь привязался – не отстанет.

Мама встретила меня стандартным вопросом:

– Где ты была, Люба?

На стандартный вопрос я дала стандартный ответ:

– Гуляли с девочками.

– С Галей?

– И с Олесей. А Ира приболела.

– А уроки на завтра ты сделала?

Из комнаты вышел папа. Он уже дома. Отлично! Значит, мама не станет ко мне придирааться.

– Сделала, мам. Из школы пришла и сразу занялась уроками.

– Подтверждаю, – послышался голос Большого брата.

– Хорошо. Раздевайся, мой руки, а потом ужинать. После ужина я проверю домашнее задание.

Есть мне не хотелось, но говорить маме, что перекусила с девочками пиццей, я не стала. Опять начнутся разговоры, что пицца – это не еда, газировка – отравка, а поедание бургеров-шмургеров впоследствии обязательно отразится на здоровье. Поэтому пришлось через

силу справиться с гречкой и котлетой. От чая я отказалась. А едва встала из-за стола, мама напомнила про домашнее задание.

– Я зайду к тебе через пять минут, – сказала она.

Сначала мама проверила домашку по алгебре, потом по химии и наконец взяла тетрадь по английскому. Английским мама владеет в совершенстве, поэтому в домашке сразу обнаружила несколько ошибок.

– Люба, вот здесь неверно. Это прошедшее совершенное время.

– Я исправлю.

– Где у тебя корректор? – мама протянула руку к верхнему ящику стола.

Заметив это, я покрылась испариной.

– Mam, я сама всё сделаю! – крик был настолько пронзительным, что мама вздрогнула.

В следующую секунду она потянула на себя ручку, и верхний ящик предательски обнажил свои внутренности. Цепкий взгляд мамы скользил по всякой всячине в поисках корректора. Я молила Бога, чтобы корректор попался ей на глаза раньше, чем...

– Люба, что это?!

Мои молитвы не были услышаны. Всё, я попала! Обмякнув и ощутив внутри небывалую слабость, я вжалась в стул, словно пытаюсь в него врасти, и молча наблюдала, как мама выкладывает из ящика тубы и баночки с косметикой. Через полминуты передо мной лежали две новые упаковки с тушью для ресниц, румяна, две жидкие помады, крем и консилер⁴.

Совершенно некстати я подумала о Ромке. Вот ведь дура какая! В доме сейчас разразится скандал, а я Ромку вспомнила. Удивительно, но мне вдруг подумалось, что он бы мог меня защитить. От всех на свете. И в первую очередь – от самой себя.

– Люба, что это такое? – ровным, пока ещё спокойным голосом повторила мама.

Она держала в руках коробочку крема, поэтому я, сделав вид, что поняла её вопрос буквально, тихо ответила:

– Это крем для жирной и проблемной кожи лица. Его нужно наносить дважды в день...

– Прекрати паясничать! – потребовала мама. – Откуда у тебя столько косметики? Где ты взяла деньги, чтобы всё это купить?

– Ну, мам, это же недорогая косметика.

– Где ты взяла деньги?! – мама сделала резкий вдох и, как мне показалось, покачнулась.

Я испугалась. В прошлом году у неё уже были проблемы с сердцем, и, насколько мне известно, врач тогда настоятельно рекомендовал маме заняться снижением веса и как можно реже нервничать. В том же месяце папа стал начальником отдела. В отделе был один мужчина – он сам – и одиннадцать женщин. Мама начала нервничать в одиннадцать раз сильнее, чем до папиного повышения. Не смогла она и похудеть. Парадокс! Нервничала мама много, вредной едой не увлекалась, а вес всё равно не снижался.

– Mam, что, сердце? – я вскочила и хотела позвать папу, но мама жестом попросила меня остановиться.

– Люба, я жду твоих объяснений.

– Это моя косметика, – нехотя выдавила я. – А крем мне подарила Муха...

– Опять Муха?! Я же просила тебя!

– Mam, мы с Мухой подруги. Почему я должна прервать с ней общение? Только потому, что она тебе не нравится?

– Галя плохо на тебя влияет.

– С чего ты решила?

– В старой школе ты была отличницей...

– Опять ты про школу! Я и сейчас не худшая в классе.

⁴ Консилер – косметическое средство, маскирующее несовершенства кожи.

– Но и не лучшая, как раньше.

– Не надо было меня переводить, – выдвинула я железный аргумент.

– Люба, какая же ты всё-таки неблагодарная. Кому нужен был этот перевод? Мне?!
Ответь: мне?! Мы с отцом в первую очередь думали о твоём будущем. А эта Галя... – мама пыталась подобрать нужные слова, но у неё это никак не получалось. – Она слишком... свободная. И дерзкая девочка.

– Ты видела её всего несколько раз, а уже навесила ярлык.

– Начав с ней общаться, ты научилась врать. Не делай удивлённое лицо.

Я и не делала. Здесь мама права. Возразить нечем. Виной всему случай, свидетельницей которого она стала. Ко мне пришла Муха, мамы дома не было. Муха начала подбивать меня пойти поздно вечером гулять по городу. Я сказала, что меня непустят, и Муха выдала:

– Скажи матери, что у меня или у Ирки день рождения. С ночёвкой.

По всем законам подлости минутой раньше домой вернулась мама. Мы не услышали, как в прихожей щёлкнул замок и открылась дверь. Зато мама отлично слышала наш разговор. С того дня она заклеила Муху позором, настаивая на прекращении нашего общения.

– Галя учит тебя врать, – повторила мама. – Мне это не нравится.

– Тогда и ты перестань общаться с тётей Ритой, – выпалила я. – Она тоже плохо на тебя влияет и заставляет врать. Вспомни, как прибежала и просила сказать дяде Ване, что останется у нас с ночёвкой. А когда он позвонил, ты сначала соврала, что она в ванной, а второй раз заявила, что у неё болит голова.

– Подтверждаю, – в дверях появился Большой брат. – Тётя Рита – тот ещё фрукт.

– Ты подслушивал под дверь? – с укором спросила мама.

– Вы разговариваете на повышенных тонах, а квартира у нас, к сожалению, не семикомнатная. Слышно, как соседи чихают.

– Ну раз у тебя такой хороший слух, тогда присоединяйся к разговору, – мама указала Большому брату на кресло. А когда он устроился на подлокотнике, кивнула подбородком на мой стол. – У Любы здесь, оказывается, косметический Клондайк⁵. Вот выясняем, на какие деньги всё это приобретено.

– Ну-у, – хмыкнул Большой брат. – Я думал, у вас что-то серьёзное, а вы из-за пустяков шум подняли.

Деньги Любе дал я. Она сказала, что хочет купить себе косметику, а просить деньги у вас с папой не стала. У меня наличные всегда есть. В отличие от Любы, я никуда не хожу, кроме школы, так что сумму накопил приличную.

Мой брат – лучший! Я так благодарна была ему в эту минуту, что едва сдерживалась, чтобы не подбежать и не расцеловать его. Он всегда меня выручает, на него можно положиться, ему можно довериться. Что, собственно, я всегда и делаю – доверяюсь, а потом об этом жалею. Но сейчас не об этом.

Слова Большого брата явились для мамы неожиданностью. Она взяла румяна, повертела их в руках, потом той же процедуре подверглись консилер и помада.

– А зачем тебе сразу две помады? – растерянно спросила она.

– Про запас, – усмехнулся Большой брат.

– Они быстро заканчиваются, – пискнула я.

Мама была обескуражена и обезврежена. Ей нечего было мне сказать, я это видела и радовалась, что скандала удалось избежать. Но вот мама сумела взять себя в руки, придала лицу прежнее непроницаемое выражение и заявила:

– Не стоит слишком уж увлекаться косметикой.

Когда она вышла, я подбежала к Большому брату.

⁵ Клондайк (в переносном смысле) – место, полное сокровищ.

- Спасибо! Ты меня спас.
- Думаешь, я поступил правильно? – в его глазах читалось сомнение.
- Ты не мог поступить иначе.
- Мог, Люб. И знаешь... – Большой брат выдержал длинную паузу. – В следующий раз я не стану тебя выгораживать.
- Пожалуйста, не начинай этот разговор, – взмолилась я.
- Я переживаю.
- Знаю.
- Если знаешь, почему продолжаешь...
- Прошу тебя, не надо! – выкрикнула я и отскочила к окну.
- Не ори, – сухо проговорил Большой брат.
- Не ору, – уже намного тише отозвалась я.
- Мне было стыдно смотреть в глаза Большому брату, поэтому я ждала, когда он уйдёт. Но он не торопился. И тогда, продолжая смотреть в окно, я спросила:
 - А твой одноклассник... Ромка – он кто?
 - Ответ в вопросе: он – мой одноклассник.
 - Ой, только не умничай. Давно ты с ним дружишь?
 - Мы не совсем дружим, скорее приязнествуем. Ромка перевёлся в нашу школу в январе, а до этого он учился в школе возле торгового центра.
 - А почему перевёлся?
 - Не знаю.
 - Как так? Общаетесь, и ты ни разу не поинтересовался?
 - Я только слышал краем уха, что была какая-то драка.
 - Он сильный, – зачем-то ляпнула я.
 - Люб, ты специально заговорила о Роме, чтобы перевести разговор?
- Это хорошо, что Большой брат так решил, значит, ничего не заподозрил. А раз так, можно ему ещё пару вопросов задать.
 - А у Ромки есть девушка?
 - Есть.
- Я резко обернулась.
- Она из вашей школы?
- Из нашего класса. А до неё он встречался... – Большой брат усмехнулся, – тоже с девчонкой из нашего класса.
- Прикольно.
- Что именно?
- Не знаю, – засмеялась я. – Большой брат, не обижайся, но... Не хотел бы ты вернуться к себе?
 - Намёк понят. Ухожу. И, Люб, будь осторожна.
 - Угу, – кивнула я, пытаюсь выглядеть как можно беззаботнее.
- Большой брат ушёл. Я подскочила к столу, сгребла косметику и с силой задвинула ящик.

Глава 8. Под маской Рома

Теперь я знал, как её зовут, сколько ей лет и где она живёт. Я знал о ней почти всё, и... Я не знал о ней ничего. А узнать хотелось. Очень! К Валерке я стал ходить в гости как к себе домой. Он подтягивал меня по математике, физике, мы говорили о литературе, и я даже соврал, что меня заинтересовала биология. Надо было видеть Валеркины глаза: загорелись как фары у самосвала в тёмном переулке. О биологии он мог говорить часами: объяснял, разъяснял, рассказывал о научных фактах и открытиях.

Я приходил к нему, только чтобы увидеть Любу. Но, к сожалению, редко заставлял её дома. По словам Валерки, Люба всё свободное время проводила с подругами. Я обратил внимание, что, упоминая подруг сестры, Валерка непроизвольно морщился, как будто проглатывал ломтик лимона.

Дни, когда заставлял Любу дома, я называл удачными днями. Мне нравилось с ней общаться, нравилось на неё смотреть, слушать. Мы много шутили и обязательно затевали словесную игру – беседу о том, чего никогда не было и быть не могло. Я задавал Любе вопрос, и она, мгновенно включаясь в игру, давала на него шутливый ответ.

Валерка смеялся и говорил, что мы «спелись». И это было правдой, мы действительно спелись, потому что находились на одной волне и, как мне кажется, понимали друг друга с полуслова.

– Это ты загнул, Ромыч, – сказал мне Кирюха во время очередной нашей встречи. – Вы знакомы всего ничего. А чтобы понимать человека с полуслова и полувзгляда, нужны годы.

– Откуда тебе знать? – подколот я приятеля. – Просиживаешь целыми днями за ноутбуком, фигнёй страдаешь.

– Играю, – поправил меня Кирюха.

– Для меня это одно и то же. Впустую тратишь время.

– Ещё скажи, годы пролетят – не заметишь. Ты прям как мои родители. Отец ещё ничего, а мать в панике от моего увлечения.

– Её можно понять.

– Ладно, вернёмся к тебе. Вернее, к твоей незнакомке.

– Она уже не незнакомка.

– Ты влюбился в неё, что ли?

– Люба мне нравится, говорить о любви... рано, наверное.

– Наверное, – передразнил Кирюха. – Сомневаешься?

– Нахожусь в неведении, – отшутился я. – А если серьёзно, мне просто хочется чаще её видеть. Но она постоянно вне дома, и знаешь, Кирюх...

Я замолчал, а Кирюха взял со стола яблоко и бросил его мне.

– Пожуй.

– Сам жуй, – я швырнул ему яблоко обратно и признался: – Есть кое-что, что меня напрягает.

– Маринка?

– При чём здесь Маринка? Не о ней речь. Это касается первой встречи с Любой. Ты ведь не знаешь подробностей нашего знакомства.

– А разве были подробности? – удивился Кирюха. – Ты ж рассказывал, что увидел девчонку в прикольном костюме, парике и маске. Потом она сняла маску, и тебе понравились её голубые глаза. Ну и лицо в целом. Так?

– Не совсем. Было ещё кое-что.

– А чего сразу не рассказал?

– Не хотел, – честно признался я.

– Тогда сейчас выкладывай.

– В развлекательном центре на одном из этажей проходил праздник косплея. Подростковкосплееров – океан. Они разбрелись по всему центру, ходили группами, парами, поодиночке. Было ощущение, что я оказался внутри какого-то комикса. Реально голова шла кругом от крика, цветных париков и костюмов. Двух девчонок я заметил в магазинчике со всякой всячиной. Скорее даже лавчонка, там бижутерия продавалась, ароматические свечи и прочая ерунда. По площади – закуток, а народу набилось много. И тут вижу, как одна девчонка стягивает браслет из деревянных бусин. Ловко так – в одну секунду.

– Только не говори, что... – Кирюха вскинул брови.

– Нет, это была не она, – перебил я его.

– Можно выдохнуть, – усмехнулся он.

– Но девчонка передала браслет Любе. Потом они вышли из магазина и разошлись в разные стороны.

– Что потом?

– А потом... – я откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и мысленно перенёсся в тот день.

* * *

...Я нагнал девчонку, когда она подбегала к лестнице. Схватил её за руку, развернул к себе лицом.

– Спешешь?

Она затряслась. В прорезях маски я увидел испуганные голубые глаза.

– Мозгов совсем нет? – спросил я, слегка ослабив хватку. – Здесь же камеры видеонаблюдения понатыканы.

Девчонка продолжала молчать.

– Ты немая?

Она мотнула головой.

– А сказать словами слабо?

– Нет, – едва слышно ответила она.

– Слушай, мне плевать, чем ты занимаешься, но советую включить голову.

Девчонка всхлипнула. И тогда я, до конца не понимая, зачем это делаю, протянул руку к её лицу. Думал, она дёрнется, попытается вырваться и убежать, но этого не произошло. Девчонка продолжала стоять, не шевелясь, и смотрела на меня беспомощным взглядом. Внезапно я проникся к ней сочувствием. Не знаю, почему так произошло, но она стала мне симпатична. Её образ: яркий, выразительный, окутанный таинственностью – произвёл на меня двойственное впечатление. И я подумал, что девчонка с такими красивыми глазами не может быть воровкой. Но браслет, пусть копеечный, пусть сворованный не ею лично, сейчас находится в её кармане. Значит, воровка! Воровка с красивыми глазами. Голубыми и испуганными. И всё-таки что-то меня смущало, настораживало.

Мы стояли друг напротив друга, но она по-прежнему была для меня недостижимой. Мне всё ещё не удалось увидеть её лица. А очень хотелось. И тогда я осторожно снял маску. По щекам незнакомки катились слёзы. На миг она закрыла глаза и снова всхлипнула.

– Держи, – я протянул ей маску и кивнул в сторону магазинчика. – Больше в этом костюме здесь не появляйся. Вычислят – возникнут проблемы.

– Да, – ответила она, глотая слёзы.

– Вытри слёзы. Кого ты хочешь ими разжалобить? Меня? Расслабься, мне пофиг.

Девчонка достала из кармана браслет.

– Верни его, – попросила она.

– Ты больная? Как себе это представляешь?

– Придумай что-нибудь, – её голос немного окреп, обрёл силу.

И, не дав мне опомниться, она вложила браслет мне в руку и резко сорвалась с места.

– А ну стой! – потребовал я.

– Спасибо! – крикнула она в ответ, надевая на ходу маску.

– Чокнутая! – в сердцах воскликнул я, с силой сжав в кулаке деревянные бусины.

В магазине по-прежнему толпился народ. Положить браслет в коробку с бижутерией труда не составило. Домой я возвращался на автопилоте – был поглощён мыслями о загадочной девчонке. Неизвестной, противоречивой, порывистой незнакомке, чей образ упорно возникал перед глазами.

* * *

Сегодня мы столкнулись на крыльце её подъезда.

Я набрал код домофона, открыл дверь, а там она.

Люба.

– О, привет, Ром! Ты к нам?

– К вам, а ты – от вас?

– А я – от нас, – засмеялась Люба. – Поднимайся, Большой брат как раз яичницу собирается жарить. Вместе перекусите.

– А ты?

– А я спешу.

– Куда, если не секрет?

Началась игра.

– Секрет, но тебе шепну. Только ты никому. Договорились?

– Могила.

– Неудачное сравнение, – скривилась Люба.

– Зато надёжное, – парировал я.

– С этим не поспоришь.

– Поспорить всегда можно, но я не любитель.

– И я. Надо же, какое совпадение.

– На совпадениях держится мир. Ты знала об этом?

– Даже не догадывалась. А разве мир держится не на трёх китах?

– Твоё представление о мире устарело.

– И никто меня об этом не предупредил. Ты первый. Я – твоя должница.

– Ловлю на слове.

– Лови, – хохотнув, Люба сбежала по ступенькам.

А я в очередной раз задался вопросом: неужели она меня не помнит? Ведь мы стояли так близко, смотрели друг другу прямо в глаза, я ощущал её дыхание, как, должно быть, и она моё. Разве такое можно не помнить? Получается, можно. Не верю, что Люба меня узнала, но продолжает молчать. Она бы не стала это скрывать.

– Прошу прощения, э-э... кажется, Люба? Но я так и не получил обещанный ответ на свой вопрос.

Люба обернулась и приподняла воротник куртки.

– А напомните мне... хм, Роман, если не ошибаюсь, да? Какой был вопрос?

– Куда ты так спешишь?

– А-а, да, да, был такой вопрос. Припоминаю.

– И?

– Встречаюсь с подругами.

– Только и всего? – разочарованно протянул я. – Даже неинтересно.

– Увы. – Люба развела руками и, смеясь, побежала в сторону первого подъезда.

Я простоял на крыльце до тех пор, пока она не скрылась за поворотом. А пару минут спустя, едва Валерка пустил меня в прихожую, спросил:

– Ты знаком с подругами сестры?

– А тебе зачем?

– Раз спрашиваю, значит, надо, – жёстче, чем следовало, ответил я.

– Знаком постольку-поскольку. У нас дома я их не видел, а на улице несколько раз сталкивались. А всё-таки почему ты интересуешься?

– Я встретил внизу Любу. Она сказала, ты собираешься делать яичницу.

– Уже сделал.

– Со мной поделишься?

– Само собой. Ром, а почему ты...

– Да просто так спросил, – прервал я Валерку. – Не устраивай мне допрос. Я в ванную – мыть руки.

Валерка проводил меня взглядом, пожал плечами и вернулся на кухню.

Глава 9. Фотография на память Рома

В ноябре выпал первый снег. И сразу растаял. Было солнечно, но заметно похолодало. На днях мама сказала, чтобы я теперь выходил из дома в шапке. Сказала и сразу забыла. И я делал вид, что забываю шапку в прихожей, а возвращаться назад – плохая примета.

Не люблю шапки. Раньше отшучивался, что они давят на мозг, потом просто перестал их носить. Надеваю, только когда начинаю отмораживать уши, а так предпочитаю натягивать на голову капюшон. В нём мне удобнее.

Сегодня в школе объявили оценки за контрольную. Я получил четвёрку. Валерка был так рад, что на перемене подошёл и поздравил. Сказал, занятия не проходят даром. Я кивнул, мол, так и есть. Не хотелось его расстраивать и признаваться, что контру я наглým образом скатал со шпоры, которую мне передала девчонка из параллельного класса.

Зовут её Нина, и она вроде бы ко мне равнодушна. Кстати, глаза у Нины зелёные. Девчонка она симпатичная, и, возможно, в любое другое время у нас с ней могло что-нибудь получиться. Тем более с Маринкой дело близится к финалу. Но с недавних пор русоволосые и зеленоглазые волнуют меня всё меньше. О Вере я вспоминаю редко, а если и промелькнёт вскользь мыслишка, то уже не ощущаю, как раньше, невосполнимой пустоты.

Пустоту заполнил образ голубоглазой девчонки. До конца я пока в себе не разобрался. Нравится ли она мне? Нравится! А как именно нравится? Как просто симпатичная девчонка или как девушка, в которую можно влюбиться? Не знаю. Всё слишком сложно. С Верой было иначе. Я влюбился в неё сразу, без всяких там сомнений. Стыдно вспоминать, но я даже писал в блокноте всякую сентиментальную чепуху вроде: «Вера – лучшая», «Вера – самая красивая», «У Веры милая улыбка». Неужели это действительно был я? Верится с трудом. Сегодня я бы такими глупостями заниматься не стал. Кажется, я повзрослел, поумнел и... начал догадываться, что место Веры заняла другая девчонка.

Но с Любой всё по-другому. Я думаю о ней, скучаю, но когда мы рядом, между нами какая-то недосказанность.

Меня тянет в их дом, в комнату Валерки, где он часами может говорить о физических и математических законах, а я часами могу его слушать – и не слышать! – и ждать, когда в комнате появится Люба. Она возвращается домой вечером, и я слышу, как Анна Георгиевна разговаривает с ней на повышенных тонах. А Люба что-то лопочет в своё оправдание и никогда не повышает на маму голоса.

С её появлением у меня открывается второе дыхание, я предлагаю Валерке прерваться и просто поболтать ни о чём. Потому что знаю: скоро в комнату войдёт Люба, сядет на подлокотник кресла, и мы с ней начнём вести, по словам Валерки, глупейшие разговоры. Он не понимал сути нашей игры, ему казалось, мы просто дурачимся.

Когда я зачастил к ним в гости, Анна Георгиевна решила узнать меня получше. Она спрашивала о родителях, причине перехода в новую школу, увлечениях и многом другом. Иногда её вопросы звучали бестактно, и тогда Валерка делал глубокий вдох и демонстративно долгий выдох, намекая матери, что она переходит границу. Но Анна Георгиевна никаких границ, флажков и прочих ограничений не замечала. Она шла напролом. Ей было интересно узнать, что собой представляет человек, который с завидной регулярностью – с чего бы это? – начал бывать в их доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.